

УДК 81'38

ПАРАДИАСТОЛА КАК РИТОРИЧЕСКИЙ ПРИЁМ

© 2013 г.

Е.С. Корюкина

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

semenov.nik@pochta.ru

Поступила в редакцию 15.02.2013

Рассматриваются существенные признаки парадиастола как риторического приёма. Анализируются особенности различных типов семантических отношений между единицами, составляющими основу парадиастола.

Ключевые слова: риторический приём, синонимия, антонимия, парадиастола, антитеза, противопоставление.

Современная риторическая наука парадиастола определяет как «разновидность антитезы, приём, состоящий в противопоставлении слов-синонимов»: *Он не ел, а вкушал* (А.П. Чехов) [1]. Но, строго говоря, приводимый пример не отражает признака противопоставления, заложенного в определении термина. В данном случае между словами *ел–вкушал* реализуются отношения усиления одного за счёт отрицания сходного по значению – оба слова обозначают факт принятия пищи, следовательно, являются синонимами.

Это значит, что дефиниция парадиастола не соответствует примеру. Отсутствие отношений противопоставления говорит о том, что в предлагаемом примере не демонстрируется парадиастола. Если будем опираться на предлагаемую трактовку термина, то заключение закономерно. Однако, на наш взгляд, сущность парадиастола не в том, чтобы противопоставить синонимы, а в том, чтобы указать на «различительные признаки, способствующие выдвиганию значимой информации» [2, с. 78]. Ограничивать данный риторический приём отношениями противопоставления не совсем целесообразно.

Кроме того, обращаем внимание, что парадиастола называют разновидностью антитезы. В этом случае возникает вопрос, на базе каких критериев два настоящих приёма получили гиперонимическую связь? Чтобы ответить на него, обратимся к определению антитезы. Антитезу мы трактуем «как стилистический приём, в основе которого лежат отношения противопоставления между словами с противоположным значением»: *Трус умирает сто раз, смелый живёт вечно* [3, с. 303]. Можно предположить, что на основании единства отношений интересующий нас приём относят к разновидности антитезы. Однако, как нам кажется, парадиастола является самостоятельной и независимой едини-

цей. Попробуем в ходе данной работы доказать независимость парадиастола от антитезы.

Вероятно, определение парадиастола потребует коррекции; для этого выявим сущностные признаки парадиастола и покажем, на основании чего формируется риторический приём. Такова цель настоящей статьи.

Прямой перевод с греческого самого термина «парадиастола», состоящего из компонентов *para* – приставка со значением рядоположения и *diastolē* – разделение, различение [1], указывает на основополагающий признак в определении. Парадиастола призвана разграничить рядоположенные (сходные по значению) слова, как *ел – вкушал*: первый компонент *ел* стилистически нейтрален, а слово *вкушал* принадлежит к высокому стилю. Один синоним отличен от другого стилистической маркированностью, что в рассматриваемом примере играет важную роль, а именно: каждый из глаголов обозначает такое действие, которое отражает саму манеру поведения деятеля, статус в обществе, а следовательно, и характер персонажа. На фоне прочих, обычных, которые просто *едят*, герой выделяется, возвышается, потому что *вкушает*. Автор таким образом подчёркивает различие между обычным и необычным. Следовательно, приводимый пример является парадиастолой.

Б.Ю. Норман в работе «Грамматика говорящего» утверждает, что «даже минимальное семантическое расхождение, специфический «остаток значения» двух синонимов может быть «раздут», абсолютизирован – и тогда синонимы превращаются в контекстуальные антонимы» [4, с. 23]. Стоит задуматься, что понятия *обыкновенный – необыкновенный* являют противоположность. Справедливо возникает вопрос: возможно, слова *есть – вкушать* как обозначение обычного и необычного следует считать окказиональными антонимами, различающимися

только в рамках данного контекста? На наш взгляд, обнаруживаемое между синонимами *есть* – *вкушать* стилистическое разграничение, конечно, не позволяет говорить о выражении такой взаимной противоположности, которая наблюдается, например, между словами *жизнь* – *смерть*, но возникающее различие существенно для создания выразительности, поэтому будем считать пару *есть* – *вкушать* контекстуальными антонимами. Т.Г. Винокур полагает, что «стать в оппозицию друг к другу им позволили как раз «несовпадающие остатки», распределённые между предметным и стилистическим значением» [5, с. 16]. Примеры показывают, что несовпадение синонимов, приводящее к контекстуальной антонимии, может быть в стилистическом плане (...*Смотрят / Его гляделки в чистые глаза...* – А.А. Блок. «Над озером»), близкие по значению слова могут также различаться предметно, когда один из синонимов показывает большую интенсивность в проявлении признака: *Это был не просто большой дом, это был огромный особняк*. Существуют и семантико-стилистические основания для различения: *В Купеческом клубе жрали аршинных стерлядей. В Охотничьем разодетые дамы кушали деликатесы* (В. Гиляровский). Стилистическое разграничение очевидно: глагол *жрать* имеет разговорно-сниженную окраску, глагол *кушать* употребляется в формулах вежливого приглашения к еде. Семантическое разделение обнаруживается, если обратить внимание на контекстные распространители составляющих приём, что позволяет представить, с какой интенсивностью ели посетители: при первом стоит словосочетание *аршинные стерляди*, при втором – слово *деликатесы*. Особенности взаимодействия между синонимами *жрали* – *кушали* помогают автору иронично подчеркнуть разницу поведения в двух социальных слоях: как с жадностью купечество поглощало почти метровых стерлядей и как дворяне пробовали на вкус изысканную еду.

При этом стоит сказать, что при иных контекстных условиях, например в случае последовательного перечисления, подобное различие сходных по значению слов не будет иметь такой значимости. Как нам кажется, различительные признаки между словами можно обнаружить только при определённых отношениях между компонентами. Словарное определение парадиастолы говорит, что синонимы противопоставляются. Действительно, отношения противопоставления служат наиболее благоприятными контекстными условиями для образования окказиональной антонимии. Например, *Бедность не порок... Но нищета, милостивый го-*

сударь, нищета – порок-с. В бедности вы ещё сохраняете благородство врождённых чувств, в нищете же никогда и никто. За нищету даже палкой не выгоняют, а метлой выметают из комнаты человеческой... (Ф.М. Достоевский. «Преступление и наказание»). Экспрессивный заряд приёма концентрируется в процессе различения с помощью противопоставления синонимов *бедность* и *нищета*. Это центр текстового фрагмента. Противопоставление слов *бедность* и *нищета* подчёркивает разницу между тем, когда человек остаётся собой как личность, и тем, когда он утрачивает качества, позволяющие считать его таковым.

Примеры, в которых синонимическое различие формирует особую речевую экспрессивность, подтверждают, что парадиастола не ограничивается отношениями противопоставления. Рассмотрим подробнее, какие типы взаимодействий синонимов абсолютизируют их различие в речи.

Отношения разделения, как правило, реализуются с помощью разделительного союза *или*: «*Рассвет. Часть 2*». *Что это: достойный финал или бесславный конец?* (заголовок статьи). Несмотря на то что пара *финал*—*конец* являются абсолютными синонимами, словарные значения которых полностью совпадают, слово *конец* кажется прозаическим, связанным с обозначением обыденного, даже малопривлекательного, на фоне слова *финал*, ассоциирующегося с чем-то грандиозным. Вероятно, различение компонентов приёма основывается на том факте, что заимствованное слово *финал* по сравнению с общеславянским словом *конец* воспринимается как маркирующее нечто значимое, возвышенное. Выразительный эффект поддерживается контекстуальными распространителями: *достойный* как ‘обладающий необходимыми достоинствами’ и *бесславный* как ‘достойный осуждения, позорный’ [6]. Продуктом речи является дилемма, выраженная с помощью парадиастолы: порицания или похвалы заслуживает последняя часть выпущенного в прокат фильма.

Подчёркнутое различие синонимов возникает в результате усиления одного за счёт отрицания сходного по значению. Например: *Не лоб там, а чело; не щёки, но ланиты* (В.К. Тредьяковский). Это стихотворение, написанное В.К. Тредьяковским, направлено против идей М.В. Ломоносова, ратовавшего за ограничение роли церковнославянизмов в русском литературном языке. Акцентируется внимание на старославянских по происхождению словах *чело* и *ланиты* через отрицание русских слов *лоб* и *щёки* соответственно. С точки зрения автора,

церковнославянские *чело* и *ланиты* более уместны для поэзии, чем народные *лоб* и *щёки*. Стилистическое несовпадение в парах *лоб* — *чело*, *щёки* — *ланиты* демонстрирует противостояние реформатора, стремящегося показать живые силы национального языка, демократизировать церковнокнижную речь, и консерватора, борющегося за усиленную реставрацию литературных прав церковно-славянского языка [7, с. 100].

Парадиастолу, образованную на отношениях разделения и отношениях утверждения одного компонента за счёт отрицания сходного по значению, необходимо отличать от альтернезы и акротезы. Альтернеза основывается на разделении антонимов (*Жизнь или смерть выбирать?*), в акротезе между единицами реализуется связь, при которой одно утверждается при отрицании противоположного (*не слабый, а сильный*) [8]. Последние базируются на связи между антонимами, а парадиастола формируется на синонимах, которые в результате взаимодействия получают антонимические значения. Таким образом, в альтернезе и акротезе восприятие читателя направлено на декодирование связей изначально противоположных по значению слов, а в парадиастоле осмысление взаимоотношений синонимов помогает понять, как возникает контекстуальная антонимия.

Благодаря парадиастоле в *Сквозь лёгкое лицо проступит – лик* (М.И. Цветаева. «Настанет день — печальный, говорят!») мы видим картину постепенного преобразования обыденного в сакральное. Обусловленные контекстом отношения перехода помогают осмыслить, какова дистанция между двумя близкими по значению однокоренными словами *лицо*, являющегося нейтральным, и *лик*, принадлежащим к высокому стилю. Взаимодействие синонимов, принадлежащих к одному этимологическому гнезду, усиливает эффект, производимый риторическим приёмом.

Итак, взаимодействия синонимов, направленные на их различение, в парадиастоле разнообразны. Если в определении терминологического словаря парадиастола ограничивается отношениями противопоставления, то представляется необходимым скорректировать формулировку, определяющую настоящий риторический приём.

Как мы показали, отношения противопоставления не становятся единственными и ключевыми для парадиастолы. Кроме того, компо-

нентами, образующими антитезу, являются антонимы, а главными для парадиастолы выступают особенности взаимодействия между синонимами. Осмысление различий между синонимами требует иных усилий, нежели восприятие антонимических взаимодействий. Получается, что отношения противопоставления – это единственный критерий, по которому парадиастолу трактуют как вид антитезы. Родовидовая связь между элементами, сходство которых ограничивается признаком, не являющимся родовым, доминирующим, кажется необоснованной. Следовательно, парадиастолу будем считать самостоятельным риторическим приёмом.

Таким образом, установим, что для данного риторического приёма основными признаками являются образующие единицы – синонимы, а также функция – разграничение близких по значению слов в результате контекстуально возникающих связей. С этой точки зрения парадиастолу определим как риторический приём, который основан на функции разграничения синонимов, осуществляющейся при отношениях противопоставления, разделения, превращения или усиления одного компонента за счёт отрицания близкого по значению.

Список литературы

1. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007. 840 с.
2. Черняк В.Д. Синонимия в русском языке: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2010. 128 с.
3. Корюкина Е.С. Проблема определения антитезы в терминологических словарях и справочниках // Вестник ННГУ. № 5. 2012. С. 300–303.
4. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1994. 227 с.
5. Винокур Т.Г. О содержании некоторых стилистических понятий // Стилистические исследования. На материале современного русского языка. М.: 1972. С. 7–106.
6. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.
7. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.: Учебник. 3-е изд. М.: Высш. школа, 1982. 528 с.
8. Корюкина Е.С. Риторические возможности лексических антонимов. // Вестник ННГУ. № 6 (2). 2011. С. 309–313.

PARADIASTOLA AS A RHETORICAL DEVICE

E.S. Koryukina

Essential features of paradiastola as a rhetorical device are considered. The characteristics of the following types of semantic relations are analyzed: contrasting, division, transformation.

Keywords: rhetorical device, synonymy, antonymy, paradiastola, antithesis, contrasting.